

Аристотель

Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим – известная мудрость, а иным – все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия; есть, наконец, и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние. Одни из этих воззрений широко распространены и идут из древности, другие же разделяются немногими.

У большинства удовольствия борются друг с другом, однако это такие удовольствия, которые существуют не по природе. То же, что доставляет удовольствие любящим прекрасное, доставляет удовольствие по природе, а таковы поступки, сообразные добродетели. Жизнь этих людей, конечно, ничуть не нуждается в удовольствии, словно в каком-то приукрашивании, но содержит удовольствие в самой себе. Не является добродетельным тот, кто не радуется прекрасным поступкам. Счастье, таким образом, – это высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие.

Если счастье – результат обучения, приучения или еще какого-то упражнения, дается ли оно как некая божественная доля или оно случайно? Конечно, если вообще существует какой-нибудь дар богов людям, весьма разумно допустить, что и счастье дарится богами, тем более что это наилучшее из человеческих благ. Но даже если счастье не посылается богами, а является плодом добродетели и своего рода усвоения знаний или упражнения, оно все-таки относится к самым божественным вещам, ибо наградою и целью добродетели представляется наивысшее благо.

Джон Стюарт Милль

Доктрина, которая в качестве фундамента морали принимает Пользу, или Принцип Наибольшего Счастья, исходит из того, что действия являются правильными или неправильными в той мере, в какой они соответственно способствуют или препятствуют увеличению счастья. Под счастьем подразумевается удовольствие и отсутствие боли; под несчастьем понимается боль и лишение удовольствия.

Если меня спросят, что я понимаю под различием в качестве удовольствий, или что делает одно удовольствие более ценным, чем другое, независимо от его количественной характеристики, – есть только один возможный ответ. Если одному из двух удовольствий все или почти все, кто имел опыт получения обоих, отдавали решительное предпочтение, независимо от какого-либо чувства моральной обязанности его предпочитать, – значит, это более желательное удовольствие.

Если под счастьем понимать непрерывность удовольствия, достигшего кульминации, то совершенно очевидно, что это невозможно. Длительность таких удовольствий измеряется не более чем минутами, или, в некоторых случаях и с определенными паузами, часами или днями; они скорее подобны феерическому сверканию редких бриллиантов, чем постоянно и спокойно горящему пламени. Счастье не есть жизнь в непрерывном восторге, а скорее сочетание многих и разных удовольствий с небольшим количеством мимолетных горестей, при решающем преобладании активного начала над пассивным, а также фундаментальном понимании того, что от жизни нельзя требовать больше того, что она способна дать.

Эпиктет

Если люди делают зло – они делают зло сами себе; тебе же они не могут сделать зла. Ты же рожден не для того, чтобы творить зло и грешить вместе с людьми, но для того, чтобы помогать им в добрых делах и в этом находить свое счастье.

Нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного, потому что в таком случае всегда будешь иметь то, чего желаешь. Спроси себя, чего ты хочешь – богатства или счастья? Если богатства – знай, что оно ни благо, ни в твоих руках; если счастья – будь уверен, что оно и благо, и находится в твоей власти: первым судьба сужает нас только на время, тогда как быть счастливым зависит от нас самих.

Постоянно вникай в то, что с тобою случается. Если ты увидишь, что случилось с тобою то, что от тебя не зависело, то помни, что тебе до этого нет никакого дела. Если же ты все еще иногда мучаешься и горюешь о том, что от тебя не зависит, то посмотри на случившееся как на урок, заданный тебе. Когда ты заметишь, что ты начинаешь в душе своей упрекать Бога, то разбери внимательно то, чем ты недоволен, и ты увидишь, что оно так и должно было быть и не могло быть иначе. Говоря о таких вещах, никогда не говори, что в них есть зло, потому что это была бы ложь. Разумный человек никогда ни на что не станет роптать, потому что он хорошо понимает, что настоящее горе наше происходит не от того, что случается с нами, а от того, что мы неразумно думаем о случившемся. Отстраним же эти неразумные мысли, и прекратится то, что мы считали несчастьем.

Владислав Татаркевич

Имеются четыре основных значения счастья: счастливым, во-первых, является тот, кому сопутствует счастливая судьба; во-вторых, тот, кто познал самые сильные радости; в-третьих, тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни; и, в-четвертых, тот, кто доволен жизнью. Обычно слово «счастливый» понимают то в одном, то в другом из четырех его значений, причем, когда говорят это о других людях, то чаще всего имеют в виду первое или третье значение, а когда о себе – то второе или четвертое.

Было бы бесполезно выяснять, какое из них самое важное. Важны все: без понятия удовлетворения жизнью людям было бы так же трудно выразить свои мечты и достижения, как и без понятий удачи и большой радости. Но три из этих понятий являются синонимами: слово «счастье» можно заменить словом «удача», «большая радость» и «эвдемония». Четвертое не имеет синонима, его нужно было бы заменить сложным оборотом «удовлетворение жизнью в целом», но и он будет не совсем равнозначной заменой. Это четвертое значение счастья является его собственным значением. Поэтому если из множества значений, которыми обладает слово «счастье», выбирать одно, то правильнее будет выбрать именно последнее. Если другие значения характерны только для разговорной речи (как везение, удача), или только для философии (как эвдемония), то в этом значении слово «счастье» употребляется как в философии, так и в разговорной речи. Если мы считаем, что счастье – великое благо и может быть целью жизни, то, несомненно, имеется в виду четвертое значение этого слова.

Бертран Рассел

Человек, который однажды постиг, *что* составляет величие духа, не сможет уже быть счастливым, позволяя себе быть недалеким, своекорыстным, обеспокоенным обыденными бедами, страшащимся того, что уготовано ему судьбой. Человек, способный на величие духа, широко распахнет окна своего разума, давая ветрам из разных уголков вселенной свободно разгуливать там. Он увидит себя, жизнь и этот мир настолько точно, насколько позволяют наши человеческие ограничения; осознавая краткость и малость человеческой жизни, он поймет, что в отдельных умах сконцентрировано всё, что есть ценного в известной нам вселенной. И он увидит, что человек, чей разум отражает этот мир, в определенном смысле становится равновелик с этим миром. В избавлении от страхов, осаждающих раба обстоятельств, он испытает глубочайшую радость, и, несмотря на все превратности внешней жизни, он останется в глубине своей души счастливым человеком.

Всё несчастье зависит от разделения или недостатка интеграции. Бывает дезинтеграция внутри «я» вследствие недостатка координации между сознательным и бессознательным; существует недостаток интеграции между «я» и обществом, когда эти двое не связаны силой объективных интересов и привязанностей. Счастливый человек – это человек, который не страдает ни от одной из перечисленных неудач и неспособности к объединению; чья личность не настроена ни против себя, ни против мира. Именно в таком глубоком интуитивном единении с потоком жизни обретается величайшая радость.